

**БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ И КОЛИЧЕСТВО ДЕТЕЙ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН
СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII – начало XX в. / отв. ред.: Л. М. Русакова, Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1985. – С. 73–88 (библиогр. в примеч. С. 86–88)

Усложнившаяся в последние годы демографическая ситуация способствовала обострению интереса ученых-обществоведов к вопросам демографического поведения людей как важной составной части их образа жизни. Историки и этнографы, в частности, стали яснее осознавать необходимость изучения истории и предыстории складывания современного типа демографического поведения, в том числе применительно к периоду капитализма¹. Если говорить об историографии русского крестьянства Сибири этого периода, то следует признать, что ряд вопросов народонаселения и демографического поведения крестьян (соотношение рождаемости и смертности, брачный возраст, количество детей в семье, поколенная структура населения, условия и формы регулирования этих показателей) исследован слабо.

В работах советских этнографов о Забайкалье, Приангарье и Алтайском горном округе периода капитализма сделан вывод о том, что в этих местностях парни женились рано (в 15—17 лет на Алтае, 18—20 лет в Приангарье), невесты же были либо их ровесницами, либо были старше женихов, причем у семейских Забайкалья и алтайских кержаков – существенно, на 5—6 лет². Но эти выводы, относящиеся к ограниченным и весьма своеобразным в этнографическом отношении местностям, нельзя распространять на всю Сибирь. Трудно спроецировать на весь регион и имеющиеся в литературе сведения о количестве детей в крестьянских семьях, относящиеся к тем же Приангарью и Забайкалью³. Видимо, поэтому в

¹ См., напр.: *Шелестов Д. К.* Советская историческая демография на современном этапе. — История СССР, 1982, № 4, с. 94—98; *Мионов Б. Н.* Новая работа американских исследователей по истории семьи. — Там же, с. 199.

² См.: *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.). Л., 1967, с. 180; *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.). — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969, с. 92; *Сафьянова А. В.* Положение русской женщины в алтайской деревне до революции и ее роль в общественной и культурной жизни в годы советской власти. — Там же, с. 78; *Литинская В. А., Сафьянова А. В.* Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа. — В кн.: Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978, с. 187.

³ См.: *Лебедева А. А.* К истории формирования..., с. 161—162; *Она же.* Семья и семейный быт

обобщающем труде по истории сибирского крестьянства сведения о том, что девушки выходили замуж в 16—19 лет, а парни женились в 18—25 лет⁴, даются лишь со ссылкой на работу Р. П. Потаниной, где они также не подкрепляются какими-либо статистическими выкладками⁵.

В предлагаемой статье делается попытка охарактеризовать возраст вступления в брак мужчин и женщин и выяснить количество детей у брачных пар в русской крестьянской среде на основе привлечения источников, относящихся ко всей капиталистической Сибири или к ее основным, наиболее динамично развивавшимся районам. Это статистические и делопроизводственные материалы, этнографические описания и фольклор.

Источники показывают, что в изучаемый период у крестьян бытовало представление о «поре», определенном возрасте для вступления в брак. Достижение этого возраста было основанием для подыскания партии сыну или дочери. Родителей невесты при сватовстве уговаривали: «Девушка-то у вас уже на возрасте, пора и замуж отдавать». Тот же мотив звучал и в положительном ответе родителей невесты сватам: «Делать, видно, нечего! Девка у нас уже на возрасте, пора ее к месту произвести»⁶. Отказ же часто мотивировался молодостью девушки, недостижением ею брачной «поры». Эта традиционная мотивировка зачастую служила лишь формой вежливого отказа, прикрытием истинной причины, например, бедности жениха, низкой репутации его семьи и т. п. Но если дочь слишком «засиживалась в девках», ее могли выдать и за бедного парня, в семью с неважной репутацией.

В ряде местностей старались соблюдать условие: «Младшую дочь нельзя выдавать раньше старшей: будет несчастливое житье»⁷, хотя исключения из этого правила были нередкими, а в Иркутской губернии, по словам очевидца, «о выдаче детей по старшинству хотя и говорят, но это не мешает выдавать младшую дочь прежде старшей»⁸. Иногда нарушался и традиционный порядок женитьбы сыновей по старшинству.

Этнографами установлено, что к середине XIX в. брачный возраст мужчин и женщин в Сибири, до тех пор существенно отличавшийся, сблизился, стали безусловно преобладать браки с разницей в возрасте супругов не более 4 лет, обычно в пользу мужчин⁹. Источники

русских Забайкалья. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975, с. 87; *Сабурова Л. М.* Культура и быт..., с. 185.

⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 320. (Текст написан Ф. Ф. Болоневым).

⁵ См.: Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1979, с. 21.

⁶ *Красноженова М. В.* Из свадебных обычаев Енисейской губ. — Изв. ВСОРГО, 1907, т. 38, с. 18.

⁷ АГО, р. 57, оп. 1, д. 19, л. 2; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края. — Зап. ЗСОРГО, 1903, кн. 30, с. 145—149.

⁸ *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891, с. 6.

⁹ См.: *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979, с. 187; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982, с.

свидетельствуют, что во второй половине XIX — начале XX в. сибирские крестьяне уже привыкли считать равенство лет жениха и невесты или достаточную близость их возраста одним из важных условий заключения брачного союза. «Руби дерево по себе», «Запрягай в дровни да поезжай по ровню»,— эти поговорки, записанные в Зауралье и Прибайкалье, отражали стремление не только к социальному, но и к возрастному равенству будущих супругов¹⁰. «Не ходи сорок за двадцать»,— имея в виду возраст невесты и жениха, говорили крестьяне, понимая, что в противном случае брак вряд ли может быть удачным¹¹. Большое неравенство лет жениха и возможной невесты бывало причиной или предлогом для отказа сватам со стороны родителей девушки. Даже при вторичном или третьем браке в случае вдовства или развода крестьяне старались подыскивать невест, «подходящих (т. е. близких.— В. З.) по летам»¹².

Разумеется, во многом неестественная, уродливая социально-экономическая и правовая обстановка, в которой проходила жизнь русской деревни при капитализме, диктовала необходимость во многих случаях отступать от соблюдения ставших уже традиционными правил демографического поведения. Одним из таких отступлений было безбрачие значительной части крестьян. В 1897 г. среди сельского населения Сибири (в границах Приморской, Амурской, Забайкальской, Якутской областей, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и о. Сахалин) лиц старше 30 лет, не состоявших в браке, — холостых и девиц, вдовых и разведенных — было 21,4 % мужчин и 24,8 % женщин. (Соответствующая категория населения уездов Европейской России составляла 13,8 % у мужчин и 26,5 % у женщин¹³.)

Больше всего бессемейных было среди ссыльных. В конце XIX в. в округах Иркутской губернии лица, фактически не состоявшие в браке, составляли от 42,3 до 53,9 % наличных (т. е. живших на месте приписки) ссыльных, в округах Енисейской губернии — от 37,0 до 53,5 %¹⁴. Препятствиями к вступлению ссыльных в брак были особенности действующего законодательства, более частые, чем у крестьян, вынужденные отлучки на заработки в другие местности и т. д.¹⁵ В собственно крестьянском населении не могли оформить второй

411. (Текст написан И. В. Власовой).

¹⁰ Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья, т. 1. Улан-Удэ, 1939, с. 388; Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953, с. 132.

¹¹ Ивановский В. Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. — ЕТГМ, 1905, вып. 15, с. 20; Урал в его живом слове, с. 132.

¹² См.: ГАТО, ф. 170, оп. 7, д. 24, л. 1; ЦГИА, ф. 796, оп. 187, III отд., 2 ст., д. 3642, л. 1—2; и др.

¹³ Подсчитано по данным: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г., т. 1. СПб., 1905, с. 78—79, 83.

¹⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. 2, вып. 6. Иркутск, 1892, с. 51; т. 4, вып. 2. Иркутск, 1893, с. 102.

¹⁵ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, с. 41—42, 48. (Текст написан Е. И. Соловьевой).

брак те мужчины и женщины, первая семья которых фактически распалась, но у которых не было «законных оснований» для развода. «Сожительства» же (невенчанные браки) преследовались церковью, их склонно было осуждать и деревенское общественное мнение, поэтому они не распространялись слишком широко. Имело место безбрачие по религиозным мотивам у немногочисленных, правда, приверженцев некоторых толков старообрядчества.

Значительную долю холостых мужчин составляли бедняки, не имевшие материальных возможностей для устройства свадьбы. По подсчетам Н. О. Осипова, относящимся к Курганскому, Тюменскому и Ишимскому округам Тобольской губернии конца XIX в., расходы семьи жениха на свадьбу составляли в среднем очень большую сумму — 176 руб. 80 коп. Сюда входила плата церковному причту, отцу невесты «за руку» (согласие на брак), затраты на подарки родне невесты, на устройство гулянки и т. д.¹⁶ Очевидец отмечал, что именно вследствие больших расходов при женитьбе в Анциферовской волости Енисейского уезда «редкий из местных крестьян женится раньше 28—30-летнего возраста, бывают даже 34—35-летние женихи. Девушки же выходят замуж в молодых летах»¹⁷. По той же причине, согласно отзыву Казачинского волостного правления Енисейского округа за 1897 г., в этой местности «безбрачие в народе бывает значительно»¹⁸.

В архивах отложилось много жалоб крестьян властям на вымогательство причтами больших сумм за предоставление «сведений» о невесте и венчание, отцами невест за согласие на брак и на «подарки»¹⁹. Такое вымогательство вынуждало некоторых бедных крестьян отказываться от женитьбы, либо откладывать ее на более урожайный год или год с удачными заработками на стороне.

В конце XIX — начале XX в. одной из причин искусственной задержки вступления в брак мужчин стала всеобщая воинская повинность с ее длительными сроками службы. До призыва парни старались не жениться и обычно вступали в брак «тогда только, когда отнесут повинность, по возвращении со службы на родину»²⁰.

Удлиняло добрачный возраст некоторой части крестьян правило, по которому церковные причты не венчали жениха и невесту без родительского благословения, если они не достигли гражданского совершеннолетия — 21 года. При нехватке женщин в семье в ряде местностей Сибири крестьяне старались подольше не выдавать замуж единственную дочь: «Мы девку не отдадим, она еще нам поработает несколько лет ... потом с богом»²¹. Но это не было

¹⁶ Осипов И. О. Ритуал сибирской свадьбы. — ЖС, 1893, вып. 1, с. 97.

¹⁷ Антропов. Крестьянские браки в Анциферовской волости Енисейского уезда. — Вост. обозрение, 1902, 11 янв.

¹⁸ АГО, р. 57, оп. 1, д. 19, л. 1—2.

¹⁹ См., напр.: ТФ ГАТюО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 40, 134, 202, 247, 252—254 и др.

²⁰ АГО, р. 57, оп. 1, д. 19, л. 38—39.

²¹ Розенбаум С. П., Арефьев В. С. Свадьба в ангарской деревне. Иркутск, 1901, с. 6; см. также:

повсеместным и постоянным явлением.

Наряду с факторами, увеличивавшими возраст брачащихся, в условиях капитализма в Сибири действовали и причины, обусловившие противоположно направленную тенденцию. Экономическая необходимость и неблагоприятная демографическая ситуация, складывавшаяся во многих крестьянских дворах (диспропорция числа мужчин и женщин, участвовавшие семейные разделы, подрывавшие благосостояние семьи), часто толкали домохозяев на очень раннюю женитьбу сыновей для увеличения семейства и привлечения в семью женских рабочих рук. В архивных фондах духовных консисторий хранится много прошений о разрешении по хозяйственным соображениям женитьбы ранее установленного законом 18-летнего возраста²².

Существенной, хотя и менее важной причиной ранней женитьбы сыновей для сибирских крестьян в конце XIX — начале XX в. стала наметившаяся дезорганизация семейной и общинной жизни, при которой распространялось «непослушание» подростков и юношей родителям, переходившее порой в хулиганство. Крестьянин Томской губернии Петр Иванов так объяснял в 1905 г. мотивы раннего, в нарушение закона, повенчания своего сына: «Хотя женить его и была у меня необходимость, чтобы увеличить число рабочих рук в семье, но это была не главная причина... Было желание не допустить сына шататься с нехорошим делом, и нам с матерью не хотелось, чтобы про нас по деревне говорили худо». Жена Капитолина вторила мужу: «Сына повенчать было сильно надо, я все хвораю, заворот (хозяйство. — В. З.) у нас большой. Сыновей надо рано женить, а то вон что делают: по ночам шляются да ножами режут, нам этого не надо»²³.

Вследствие такого положения в деревне существовало стремление единственного сына женить «в молодых годах», как можно раньше. Препятствия к венчанию несовершеннолетних обходились зажиточными крестьянами путем дачи взятки причту, а бедняками — иногда путем вступления в «невенчанный», консенсуальный брак.

Для того, чтобы полнее учесть результаты противоречивого влияния различных факторов, определявших особенности брачного возраста крестьян Сибири эпохи капитализма, нужно использовать возможно более массовые данные. Их собирали в изучаемый период статистические органы России, пользуясь сведениями, ежегодно представляемыми церковными причтами. Воспользуемся публикацией этих данных за 1903—1904 гг. по уездам (без городов), где русские крестьяне составляли подавляющее большинство

Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876, с. 12–21; ТФ ГАТюО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 105, 107; и др.

²² См.: ТФ ГАТюО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 276; ЦГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3727, л. 1; д. 3918, л. 1; оп. 189, д. 3682, л. 1—3; и др.

²³ ГАТО, ф. 170, оп. 5, д. 405, л. 44—45.

населения (табл. 1).

Таблица 1

Количество сельских жителей Сибири, вступивших в брак, чел.²⁴

Возраст брачившихся, лет	1903 г.				1904 г.			
	Тобольская губ.		Енисейская губ.		Енисейская губ.		Иркутская губ.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Мужчины								
До 20	5763	38,5	2245	38,4	1998	40,4	905	27,5
21–25	5005	33,4	2012	34,4	1668	33,8	1414	43,0
26–30	2381	15,9	941	16,1	710	14,4	546	16,6
31–35	594	4,0	267	4,6	216	4,4	165	5,0
36–40	429	2,9	160	2,7	140	2,8	108	3,3
41–45	347	2,3	107	1,8	97	2,0	74	2,3
46–50	211	1,3	59	1,1	54	1,1	36	1,1
Старше 50	255	1,7	55	0,9	56	1,1	39	1,2
Итого:	14 985	100	5846	100	4939	100	3287	100
Женщины								
До 20	9280	61,9	3943	67,4	3370	68,2	1880	57,2
21–25	4056	27,1	1349	23,1	1134	23,0	877	26,7
26–30	789	5,3	275	4,7	208	4,2	340	10,3
31–35	345	2,3	119	2,0	89	1,8	95	2,9
36–40	204	1,4	52	0,9	65	1,3	49	1,5
41–45	149	1,0	54	0,9	43	0,9	24	0,7
46–50	83	0,5	35	0,7	15	0,3	15	0,5
Итого:	14 985	100	5846	100	4939	100	3287	100

Анализ данных таблицы 1 показывает, что основная масса сибирских крестьян вступала в брак в возрасте до 25 лет. При этом у женщин повсеместно господствовали замужества до 20 лет. Мужчинами же в Тобольской и Енисейской губерниях браки до 20 лет заключались лишь чуть чаще, чем в 21—25 лет, а в Иркутской губернии у мужчин были более распространенным явлением браки в возрасте 21—25 лет. У иркутских крестьян разрыв между брачным возрастом мужчин и женщин оставался большим, чем на основной территории региона, и в целом браки здесь заключались несколько позже. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех губерниях Сибири около 20 % мужчин женилось поздно — в 26—35 лет, поздние же браки женщин относительно часто наблюдались лишь в той же Иркутской губернии.

Существенным недостатком использованного источника является то, что он не позволяет различать первые, повторные и третьи браки. Кроме того, соединяя цифры по пятилетним группам, он не дает возможности более точно, по годам определить возраст вступающих в брак. Преодолеть эти недостатки позволило бы привлечение метрических книг, но их сохранилось сравнительно немного. Современному исследователю они дают неполную,

²⁴ Подсчитано по данным: Статистика Российской империи, вып. 70. СПб., 1909, с. 254—255; вып.

слишком калейдоскопическую картину. Лишь применительно к Киренскому округу Иркутской губернии можно воспользоваться материалами обработки данных метрических книг за длительный (25 лет) период (табл. 2).

Таблица 2

**Количество жителей Киренского округа Иркутской губ.,
вступивших в брак в 1873–1897 гг.²⁵**

Возраст при вступлении в брак, лет	1-й брак		2-й брак		3-й брак		Всего брачившихся	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Мужчины								
17	179	2,3	-	-	-	-	179	1,9
18	750	9,6	-	-	-	-	750	8,1
19	711	9,1	3	0,2	-	-	714	7,7
20	694	8,9	7	0,5	-	-	701	7,6
21	704	9,0	17	1,3	-	-	721	7,9
22	814	10,4	16	1,2	-	-	830	9,0
23	605	7,7	31	2,4	-	-	636	6,9
24	500	6,4	27	2,1	-	-	527	5,7
25	414	5,3	43	3,3	-	-	457	4,9
26	458	5,9	42	3,2	1	0,8	501	5,4
27	493	6,3	50	3,8	1	0,8	544	5,9
28	369	4,7	46	3,5	1	0,8	416	4,5
29	219	2,8	50	3,8	3	2,5	272	2,9
30	176	2,3	66	5,1	6	4,9	248	2,7
31–35	431	5,5	272	20,9	25	20,5	728	7,9
36–40	176	2,3	268	20,6	28	23,0	472	5,1
41–45	63	0,8	192	14,8	20	16,4	272	3,0
46–50	33	0,4	104	8,0	25	20,5	162	1,8
51–55	9	0,1	15	1,2	3	2,5	20	0,2
56–60	2	0,1	15	1,2	3	2,5	20	0,2
61–65	1	0,1	4	0,4	2	1,6	7	0,1
66–70	-	-	-	-	1	0,8	1	0,1
Итого:	7801	100	1301	100	122	100	9224	100
Женщины								

74. СПб., 1911, с. 254–255.

²⁵ Подсчитано по данным: Кокоулин К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. — Изв. ВСОРГО, 1903, т. 34, № 2, с. 140.

15	44	0,5	-	-	-	-	44	0,5
16	409	5,0	1	0,1	-	-	410	4,4
17	806	9,8	6	0,6	-	-	812	8,8
18	1107	13,5	5	0,5	1	1,4	1113	12,1
19	1276	15,5	10	1,1	-	-	1286	13,9
20	1299	15,8	24	2,6	-	-	1323	14,3
21	939	11,4	26	2,8	2	2,8	967	10,5
22	740	9,0	32	3,4	1	1,4	773	8,4
23	481	5,8	49	5,2	-	-	530	5,8
24	344	4,2	37	4,0	-	-	381	4,1
25	217	2,6	28	3,0	1	1,4	246	2,7
26	145	1,8	40	4,3	1	1,4	186	2,0
27	103	1,3	42	4,5	-	-	145	1,6
28	69	0,8	49	5,2	1	1,4	104	1,1
29	65	0,8	38	4,0	1	1,4	104	1,1
30	34	0,4	56	6,0	-	-	90	1,0
31–35	87	1,0	192	20,5	19	26,8	298	3,2
36–40	37	0,5	159	17,0	15	21,1	211	2,3
41–45	10	0,1	83	8,9	13	18,3	106	1,2
46–50	4	0,1	43	4,6	12	16,9	59	0,6
51–55	-	-	10	1,1	3	4,3	13	0,1
56–60	1	0,1	6	0,6	1	1,4	8	0,1
Итого:	8217	100	936	100	71	100	9224	100

Первые браки мужчины этой местности заключали чаще всего в возрасте 22 лет, а женщины — в, 20-летнем возрасте. Вторично мужчины женились обычно после 25 лет, а женщины — после 20 лет. Третий брак чаще всего заключался мужчинами 35—40 лет, женщинами — в 30—35 лет. Налицо такая закономерность: и первые, и вторые, и третьи браки заключались обычно мужчинами и женщинами, близкими по возрасту. Женихи были или ровесниками невест, или несколько превосходили их по возрасту.

Допустим, что положение в Киренском уезде было типичным для Иркутской губерний в целом. Сравнивая данные К. К. Кокоулина, сведенные в таблицу 2 и относящиеся к пореформенному периоду, и сведения по Иркутской губернии за 1904 г. (см. табл. 1), можно проследить динамику брачного возраста иркутских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. Очевидно, что в этот период происходило уменьшение брачного возраста мужчин и женщин. Так, у мужчин в начале XX в. по сравнению со второй половиной XIX в. количество браков в возрасте до 20 лет увеличилось на 2,3 %, в возрасте 21—25 лет — на 8,6 %, но зато в поздних возрастных группах сократилось на 5,1 % (26—30 лет), 2,9 % (31—35 лет), 1,8 % (36—40 лет) и т. д. У женщин в возрастной группе до 20 лет увеличение числа браков составило 5,2 %, в группе же 21—30 лет произошло сокращение на 1,3, в группе 31—40 лет — на 1,1 %. Имея в виду особенности демографической ситуации в Иркутской губернии начала XX в., выявленные при анализе таблицы 1, следует отметить, что снижение брачного возраста иркутских крестьян к началу XX в. еще не привело к полной унификации

его с брачным возрастом крестьян Тобольской и Енисейской губерний, хотя тенденция к сближению была налицо.

Очень широкие и пока еще мало использованные возможности для изучения демографии русской деревни периода капитализма дают первичные карточки Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В настоящей статье для выяснения разницы в возрасте супругов нами использованы карточки по четырем округам Тобольской губернии — Ишимскому, Курганскому, Тобольскому и Тарскому. Выбор этих округов объясняется так: два первых округа представляют прилегающие к железной дороге южные, степные и лесостепные, преимущественно земледельческо-животноводческие местности губернии с относительно высоким уровнем развития социально-экономических отношений. Тобольский и Тарский округа — это относительно слаборазвитые таежные районы с редким населением, сочетающим земледелие с охотой и рыболовством. Таким образом, введенные в подсчет материалы в значительной степени отражают положение не только в Тобольской губернии в целом, но и в соседних, сходных по характеру местностях Западной Сибири.

Методом случайной выборки были отобраны данные по пяти сельским обществам Курганского округа: Петуховскому Шмаковской волости, Медвежевскому Чинеевской, Островскому Введенской, Раковскому и Камышенскому Утятской волости. В Тарском округе таким же способом были отобраны Мохово-Озерское общество Карташевской волости, Серебрянское и Бартамское Каргалинской, Ачимовское и Катачиговское общества Викуловской волости. В Ишимском округе в расчет вошли Сумское и Новоегорьевское общества Утчанской, Сивковское и Сумское Красноярской волости, Подволошенское и Слободское Усть-Ламенской. Тобольский округ представлен Винокуровским и Клепаловским обществами Бронниковской волости, Ашлыкским Адбажской, Аремзянским и Преображенским Абалакской волости. Данные по 51 населенному пункту, составлявшему 21 сельское общество, вошли в таблицу 3.

Таблица 3

Соотношение возрастов супругов у русских крестьян Тобольской губ. (1897 г.)²⁶

Разница в возрасте супругов, лет	Ишимский округ		Курганский округ		Тобольский округ		Тарский округ		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0	246	20,6	149	21,7	109	13,2	118	15,9	622	18,0

²⁶ Таблицы 3 и 4 рассчитаны по данным: ТФ ГАТюО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154.

Муж старше жены на:										
1–5	500	41,8	263	38,3	311	37,8	283	38,1	1357	39,4
6–10	154	12,9	103	15,0	155	18,8	103	13,9	515	14,9
11–15	61	5,1	34	5,0	60	7,3	54	7,3	209	6,1
16–20	36	3,0	17	2,5	31	3,8	37	5,0	121	3,5
Более 20	17	1,4	8	1,2	13	1,6	36	4,8	74	2,1
Жена старше мужа на:										
1–5	172	14,4	98	14,3	133	16,2	94	12,7	497	14,4
6–10	10	0,8	13	1,9	8	1,0	13	1,7	44	1,3
Более 10	-	-	1	0,1	3	0,2	5	0,1	9	0,1
Итого:	1196	100	686	100	823	100	743	100	3448	100

Эти данные показывают, что абсолютное большинство браков в Тобольской губернии заключалось либо между ровесниками, либо с разницей в возрасте женихов и невест, не превышающей 5 лет. Мужчины, как правило, были несколько старше женщин. Характерен тот факт, что в наиболее развитых в социально-экономическом отношении Ишимском и Курганском округах была заметно выше, чем в остальных, доля браков, заключенных ровесниками или с небольшой разницей в пользу мужчин. Здесь, очевидно, отразилась еще одна тенденция изменения брачного возраста у сибирских крестьян периода капитализма — дальнейшее сближение брачного возраста мужчин и женщин.

Просматривая карточки переписи 1897 г., убеждаешься, что браки, в которых один супруг сильно отличается по возрасту от другого, — это чаще повторные или третьи браки. В их число входят и «сожительства» (гражданские, невенчанные браки). Вступать в повторный или третий брак кроме физиологических причин и хозяйственных соображений побуждала крестьян необходимость совместного участия мужчин и женщин в воспитании детей²⁷.

В большинстве семей крестьян изучаемого периода частое рождение детей рассматривалось как естественное и неизбежное событие: «Рыба да утка от старанья, а дети от Бога»²⁸. «У здорового человека дети должны быть у всякого, а то какой же это человек, который дитю не имеет», — это мнение крестьянки Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии Елены Виноградовой²⁹ разделяла основная масса сибирских крестьян. Заботясь об увеличении достатка двора и выращивая себе «замену», сельские жители рассматривали бесплодие женщины как большое несчастье семьи. Весьма разумно его причинами они считали обычно болезнь одного из супругов, чаще жены. Но нередко

²⁷ См.: ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 207, л. 2; ТФ ГАТюО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 161, 195 и др.

²⁸ *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. — Изв. ВСОРГО, 1901, т. 32, № 1/2, с. 107.

²⁹ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири. —

причины отыскивались ими в области иррационального: бесплодие якобы могло быть следствием «порчи» жены злым человеком, «наказания божьего» за чьи-либо грехи. Случалось, что отсутствие детей становилось причиной ссор между супругами и фактического распада семей.

В народной медицине было немало способов борьбы с бесплодием мужчины и женщины, – как рациональных, так и бесполезных и даже вредных для организма³⁰. «Бабки», принимавшие роды, и «лекарки», лечившие женщин, были уважаемы в деревне. Праздновался даже специальный праздник «бабок» и рожениц на второй день после Рождества, 26 декабря по старому стилю.

Кроме «лечения», для обретения способности к деторождению практиковались церковные обеты, по которым женщины ходили иногда за десятки и сотни верст на поклонение особо чтимым иконам³¹. Крестьяне-охотники, оберегая беременных женщин, не брали их в лес. В Сургутском крае зафиксировано заимствованное у аборигенов поверье, что беременные могут привлекать к себе медведей, а медведь «обязательно вырвет у беременной бабы, попавшейся ему в лесу, ребенка, чтобы из него не вышел потом охотник, который мог бы его убить». Для предохранения беременной от «вещицы» (злой женщины, якобы в виде сороки летающей по ночам, вынимающей и поедающей недоносков у беременных) мужу предписывалось спать ночью, положив на жену ногу или руку. В отсутствие мужа с той же целью беременные женщины подпоясывались его «ошкурком» или «гашником» (поясом)³².

В то же время в последнем периоде беременности крестьянки не освобождались, как правило, от тяжелых полевых, огородных и домашних работ. Крестьяне не склонны были считать эти работы слишком вредными для беременных. Действовала и суровая хозяйственная необходимость: ни чьи рабочие руки в крестьянском хозяйстве не были лишними.

Добрачная беременность, противоречащая нормам христианской морали, не поощрялась русскими крестьянами в основной части Сибири. Имея ребенка, женщине было трудно выйти замуж. Но деревенские жители иногда старались оправдать забеременевшую девушку, говоря полушутливо: «Не душу сгубила, по душу сходила»³³. Случалось, что по соображениям гуманности сельское общество призывало отца такой девушки на сход и

ЖС, 1915, вып. 4, с. 376.

³⁰ См.: Там же, с. 376; *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губ. — ЖС, 1897, вып. 2, с. 241.

³¹ См.: *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913, с. 176—178.

³² *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи..., с. 55, 77.

³³ КККМ, о/ф. 7886, п. и. 123, л. 241; *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилотого населения Сибири. — В кн.: Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета, вып. 5. Иркутск, 1923, с. 304.

обязывало его сохранять беременность дочери до родов, «присматривая» за ней³⁴.

В литературе уже отмечалось, что традиция многодетности, сложившаяся в предшествующую эпоху, в России периода капитализма вступала в противоречие с условиями существования многих крестьянских семей, особенно в нижнем социальном слое крестьянства. «Подымание» большого количества детей все чаще становилось непосильной задачей для бедных родителей³⁵. Большое количество детей становилось объективно необязательным для крестьянского двора в силу наметившегося на обоих социальных полюсах деревни изживания хозяйственной функции семьи. Стало распространяться мнение, что «часты робята — разорение дому и тяжесть матери, по достатку глядя, конечно»³⁶.

Однако указанные выше новые тенденции еще не зашли далеко. Сибирские крестьяне в досоветский период не знали эффективных способов и средств регулирования деторождения. Имевшиеся в народной медицине средства, «чтобы не носить робят» (искусственное, до двух-трех лет, удлинение периода выкармливания детей грудью и т. п.), в лучшем случае лишь оттягивали новую беременность. Повсеместному распространению в деревне внутрисемейного регулирования (ограничения) деторождения мешала и чрезвычайно высокая детская смертность, заставлявшая крестьянок рожать чаще для того, чтобы иметь в семье хотя бы необходимый минимум детей.

Высокая смертность детей была обусловлена, прежде всего, господствующей в большинстве семей нуждой, а также антигигиеническими и антисанитарными условиями деревенской и домашней обстановки, почти полным отсутствием настоящего медицинского обслуживания, постоянной занятостью взрослых хозяйственными делами.

По данным обследования в 1903 г. 233 поселков, населенных переехавшими в Сибирь за предшествующее десятилетие крестьянами, из 14 440 умерших на новом месте переселенцев 11 674, т. е. 80,8 %, были детьми в возрасте до 10 лет³⁷. Вообще же в сельской местности Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний в 1902—1904 гг. отношение количества умерших в возрасте до 1 года включительно к общему числу умерших колебалось от 43,0 до 55,9 %. Число же детей в возрасте до 5 лет включительно составляло здесь 59,5—71,1 % общего количества умерших жителей³⁸. Показательны данные, имеющиеся по отдельным населенным пунктам.

³⁴ МФ ГАКК, ф. 32, оп. 1, д. 4, л. 1—7.

³⁵ См.: Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в.— В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 83—104.

³⁶ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине..., вып. 1, с. 100; вып. 2, с. 242.

³⁷ Подсчитано по данным: Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, ч. 1. СПб., 1905, с. 101.

³⁸ Подсчитано по данным: Статистика Российской империи, вып. 66. СПб., 1907, с. 262—275; 1909, вып. 70. СПб., 1909, с. 262—275; вып. 74. СПб., 1911, с. 262—275.

В Титовской казачьей станице Читинского уезда Забайкальской области, по данным метрической книги, из 56 умерших в 1903 г. жителей 32, т. е. 57,1 %, были детьми в возрасте до года, еще 10 человек (17,9 %) имело от 1 до 7 лет. Между 20 и 60 годами умерло лишь 6 человек, а старше 60 лет — 4 человека. Со временем положение только ухудшилось. В 1913 г. в той же станице в возрасте до года скончалось 29 человек из 41 умершего (70,7 %), в возрасте 1—7 лет — еще 11 человек (26,8 %), один человек умер в возрасте от 7 до 20 лет, а старше 20 лет не умер никто!³⁹

Крестьянки рожали почти ежегодно, но выживали немногие дети. В период 1870—1880 гг. среди сельского православного населения Томской губернии, по сведениям церковных причтов, из каждых 1000 родившихся детей доживало до 1 года только 764 мальчика и 793 девочки, до 5 лет — лишь 669 мальчиков и 702 девочки⁴⁰. В с. Ужур Ачинского округа Енисейской губернии за несколько лет в конце XIX в. в 21 семье из 247 родившихся в живых осталось только 70, что составляет на каждую семью в среднем 3,2 выживших и 8,4 умерших детей⁴¹. В Приангарье в конце XIX — начале XX в. из 12—20 рожденных одной женщиной детей выживали 4—5, а то и меньше⁴².

Основная часть детских смертей приходилась на первое время после родов, что было следствием тяжелых работ, исполняемых обычно женщинами даже в период беременности, кустарных методов народного акушерства или полного отсутствия акушерской помощи. В 1913 г. в Титовской станице Читинского уезда, судя по записи в метрической книге, умерло 8 «слаборожденных». Еще 5 умерло от кори, 12 — от «поноса и рвоты», 6 — от воспаления легких, по 1—2 ребенка скончалось «от простуды», «от слабости», «от родимца», «от младенческой», «от горловой болезни», дизентерии, воспаления плевры и брюшного тифа⁴³.

Эпидемии заразных болезней уносили вообще большое количество детей. Отчеты медицинских организаций Сибири показывают, что ежегодно те или иные местности поражались эпидемиями оспы, скарлатины, дифтерии, кори, коклюша, сыпного тифа, малярии, гриппа, сибирской язвы и т. п. Очередная «повéтря» охватывала чаще всего бедноту, а из возрастных групп — детей. Особенно много детей умирало в летние месяцы от «кровоавого поноса» (дизентерии)⁴⁴.

В таких условиях искусственное прерывание беременности замужними крестьянками, как

³⁹ Подсчитано по данным: ГАЧО, ф. 40, оп. 1, д. 126, л. 1—24; д. 314, л. б/н.

⁴⁰ *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870—1880 гг. СПб., 1890, с. 22—23.

⁴¹ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине..., вып. 2, с. 231.

⁴² *Сабурова Л. М.* Культура и быт..., с. 185.

⁴³ Подсчитано по данным: ГАЧО, ф. 40, оп. 1, д. 314, л. б/н.

⁴⁴ См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1882 г. СПб., 1885, с. 235—236, 248; ... за 1905 г. СПб., 1907, с. 56; ... за 1906 г. СПб., 1908, с. 52—54; ЦГВИА, ф. 330, оп. 6, д. 30, л. 8; и др.

правило, не практиковалось. «Это уже не мать, а змея, которая выживает ребенка», — считалось в Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии⁴⁵. Способы, «чтобы выжить ребенка», в народной медицине имелись, но пускали их в ход только некоторые из девушек, забеременевших до брака, иногда пользуясь при этом услугами доморощенных «лекарок». Конечно, операции по вытравлению плода часто имели вредные для здоровья женщин последствия, вплоть до потери способности к деторождению.

Имеющиеся источники позволяют распространить на всю Сибирь сделанный Л. М. Сабуровой применительно к Приангарью вывод о том, что «крестьяне с большей радостью относились к рождению сына, чем дочери»⁴⁶. Повсеместно бытовало мнение: «Девка — чужой товар», а «если сыновьями бог благословил, то от которого-нибудь да будет толк отцу-матери... всё-то прокормят»⁴⁷. А жительница с. Моторского Каратузского района Красноярского края Х. А. Тюнина, родившаяся в 1896 г., рассказывала, что ее отец очень ругал мать, принесшую домой девочку: «Ты дура-баба, тебе девку отдали, подсунули, а парня забрали». Одновременно с матерью в той же баньке соседка родила мальчика. Отец был уверен, что та подменила ребенка, и не захотел даже крестить новорожденную дочь; потом всю жизнь не любил ее, считая не своей⁴⁸.

Впрочем, большинство мужчин спокойнее относилось к рождению дочери. «Сын да дочь — красны детки», — считалось в крестьянской среде⁴⁹. Матери особенно мало обращали внимания на пол ребенка. Девочки для них бывали тоже желанными: «Парнишка к отцу больше льнет, а девка, покуль замуж не ушла, хоть вшей в голове поищет, рубаху выстирает, с ребенком поводится, по дому доглядит»⁵⁰. Сознание ужасного положения одинокой старости и материнское чувство заставляли крестьянок бороться с судьбой, заботиться о детях.

В деревнях применялись многочисленные способы и средства лечения детских болезней, имевшиеся в народной медицине, среди которых были и весьма рациональные. Распространены были и магические средства. Так, новорожденным старались давать имена тех святых, которые, по подсчетам крестьян, «сохраняли» больше всего детей. Предпочитали также имена дедушки и бабушки, ибо «ребята живучи бывают, и сохраняются родово имя»⁵¹.

В Тулуновской волости Нижнеудинского уезда практиковалась, возможно,

⁴⁵ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение..., с. 377.

⁴⁶ *Сабурова Л. М.* Культура и быт..., с. 185.

⁴⁷ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение..., с. 376: см. также: АГО, р. 57, оп. 1, д. 19, л. 20—21; *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи..., с. 82.

⁴⁸ ОПИ ГИМ, ф. 476, оп. 1, д. 12, л. 29.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, л. 9.

⁵⁰ *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение..., с. 376.

⁵¹ *Макаренко А. А.* Материалы по народной медицине..., вып. 1, с. 98.

заимствованная у аборигенов фиктивная передача ребенка в чужую семью как средство сохранения его жизни и здоровья⁵². Здесь же существовало поверье, по которому женщина в состоянии беременности не должна была принимать в качестве крестной ребенка, чтобы ее родной ребенок или крестник не умерли. Недопустимым считалось также пожелание смерти ребенку, особенно материнское, даже сделанное шутя или в игре, — крестьяне верили, что оно может исполниться. Если в семье умирал один ребенок за другим, вбивали в землю к ногам очередного покойника осиновый кол, считая, что этим лишают мертвеца возможности «приходить» за любимыми братьями и сестрами⁵³. В Прибайкалье в случае смерти первого ребенка отец и мать не участвовали в его похоронах, чтобы не умирали и другие их дети⁵⁴.

Большой интерес для исследователя представляет вопрос о том, каково было в русской деревне соотношение семей с различным количеством детей. Для его изучения А. А. Лебедева использовала данные сплошного похозяйственного обследования в 1897 г. населенных пунктов Забайкалья. Источник позволил установить лишь общее количество детей в семье, не представилось возможным подсчитать детей, принадлежащих отдельным брачным парам в неразделенных семьях⁵⁵. Нами использован другой источник — первичные карточки Всероссийской переписи 1897 г., позволяющие установить вид, линию и степень родства всех наличных членов крестьянского двора. В расчет было взято 3045 полных и неполных брачных пар в 21 сельском обществе четырех округов Тобольской губернии. Учитывались только дети, принадлежавшие главе хозяйства и его супруге или супругу (табл. 4).

Таблица 4

Число наличных детей у супружеских пар в селениях Тобольской губ. (1897 г.)

Кол-во детей у супружеской пары	Ишимский округ		Курганский округ		Тобольский округ		Тарский округ		Всего	
	Число пар	%	Число пар	%	Число пар	%	Число пар	%	Число пар	%

⁵² *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение..., с. 375.

⁵³ *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь..., с. 275—279.

⁵⁴ *Станиловский А. М.* Записки Антона Михайловича Станиловского. Иркутск, 1912, с. 175.

⁵⁵ См.: *Лебедева А. А.* К истории формирования..., с. 161.

0	129	13,4	113	18,2	149	19,0	159	23,5	550	18,1
1	217	22,5	155	25,0	155	19,8	161	23,8	688	22,6
2	201	20,8	99	16,0	117	14,9	109	16,1	526	17,3
3	181	18,8	96	15,5	134	17,1	103	15,2	514	16,9
4	110	11,4	74	11,9	92	11,7	70	10,3	346	11,3
5	77	8,0	44	7,1	62	7,9	38	5,6	221	7,2
6	30	3,1	21	3,4	39	5,0	23	3,4	113	3,7
7	13	1,3	12	1,9	22	2,8	10	1,5	57	1,9
8	6	0,6	6	1,0	12	1,6	2	0,3	26	0,8
9	1	0,1	-	-	1	0,1	1	0,3	3	0,1
10	-	-	-	-	1	0,1	-	-	1	0,1
Итого:	965	100	620	100	784	100	676	100	3045	100

Анализ таблицы 4 показывает, что почти пятую часть брачных пар составляли бездетные супруги. Бездетные браки были нередким явлением в деревне, хотя и считались аномалией. Среди пар, имевших детей, было больше всего однодетных (около 1/4). Разумеется, таблица учитывает не общее количество детей, рождавшихся у супругов в течение всего детородного периода. Она лишь отвечает на вопрос: сколько детей у данной брачной пары уже родилось к моменту переписи, выжило и еще не успело отделиться и обзавестись самостоятельным хозяйством. В среднем на каждую брачную пару, включая бездетных, таких детей приходилось в итоге по четырем округам 2,3, а на одну пару, имевшую детей, — 2,8 человек.

К сожалению, использованные нами источники не позволяют в достаточной степени прояснить весьма важные для истории демографического поведения крестьянства эпохи капитализма вопросы о специфике брачного возраста в среде бедноты, середняков и кулаков, о количестве детей в семьях представителей различных социальных слоев и групп сельского населения. Однако можно утверждать, что среднее количество детей прямо зависело от экономического благосостояния семей.

В кулацкой среде за счет сравнительно меньшей детской смертности, а также вследствие относительно меньшего числа семейных разделов количество детей, приходящихся на одну брачную пару и в целом на семью, в среднем было гораздо больше, чем в среде бедноты. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют большие размеры кулацких семей. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., в Томской губернии при среднем размере крестьянской семьи в 5,8 человек семьи кулаков достигали 8,4, а в группе хозяйств, засевавших свыше 25 десятин, — 12,5 человек⁵⁶.

В воспоминаниях сибирских крестьян часто утверждается, что до революции бедняки имели обширные семейства с большим количеством детей, которых было трудно прокормить⁵⁷. Статистические же данные показывают, что бедняцкие семьи были обычно

⁵⁶ Подсчитано по данным: Материалы переписи 1916 г. по Томской губ. (из опыта обработки на ЭВМ) / Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С. и др. Новосибирск, 1969, с. 291—293.

⁵⁷ См.: ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 223, л. 2 и др.; д. 225, л. 212 и др.; 1917 год в деревне:

небольшими. Так, в Томской губернии в 1916 г. семья бедняков содержала в среднем только 4,4 члена⁵⁸, детей в ней могло быть в среднем не более 2—3. При складывании мнения о большом количестве детей у бедняков, очевидно, определенную роль играло субъективное ощущение чрезмерной величины семьи именно от ее бедности, невозможности прокормить. В беднейших группах крестьянства наиболее велика была смертность детей, а трудности выкармливания и воспитания остававшихся в живых были наибольшими. Одним из способов выхода из такой ситуации была отдача маленьких детей в бездетные семьи. Усыновление и удочерение малышей, взятых у бедных родителей и других родственников с их согласия (иногда за деньги или иную плату), были довольно обычным явлением в сибирской деревне изучаемого времени⁵⁹.

Использованные в данной статье материалы показывают, что в эпоху капитализма в русской деревне Сибири продолжались наметившиеся в предшествующий период процессы снижения и сближения брачного возраста мужчин и женщин и стабилизации его на уровне 17—22 лет у женщин и 18—23 лет у мужчин. В этом возрасте на каждый год приходилось более 7 % от общего количества первых браков, т. е. больше среднегодового количества, которое получалось бы простым делением 100 на 16 (16 лет – временной промежуток между 15 и 30 годами). Именно к этим годам происходило достижение полного физического и социального совершеннолетия. Однако условия антагонистического классового общества сдерживали развитие указанных тенденций и приводили к сохранению устаревших или уродливых форм демографического поведения (безбрачие, ранние или слишком поздние браки и т. д.). Среди сибирских крестьян наблюдался высокий уровень рождаемости, превосходивший соответствующие показатели у землепашцев в губерниях Европейской России⁶⁰. Высокая рождаемость была в значительной степени следствием относительной зажиточности сибирских крестьян, сравнительного многоземелья, при котором крупные семьи имели лучшие условия для своего существования. Обстановка колонизируемой окраины также стимулировала максимально расширенное воспроизводство населения. Наметившаяся в среде бедноты тенденция к сокращению количества детей проявилась не столько в результате искусственного ограничения рождаемости, сколько вследствие непомерной детской смертности и усиленного, часто длительного «отхода» родителей из деревни на заработки.

Воспоминания крестьян. М., 1967, с. 280, 284; и др.

⁵⁸ Зверев В. А. Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX — начала XX в. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1982, с. 10.

⁵⁹ См.: ГААК, ф. 178, оп. 1, д. 12, л. 97; ГАТО, ф. 10, оп. 9, д. 21, л. 1; д. 28, л. 4; д. 36, л. 1—2; оп. 39, д. 36, л. 2; и др.

⁶⁰ См.: Казаков А. Т., Урланис Б. Ц. Проблемы народонаселения в русской марксистской мысли. М., 1975, с. 20—23.